

Литературный альманах «Тверь». Тверь: Изд-во «Ванчакова линия»,
2014. Вып. 14. С. 352-270.

Валерий РЕДЬКИН

Критик, поэт, литературовед

Член Союза писателей России, Заслуженный работник высшей школы РФ, председатель правления Тверского отделения СПР, доктор филологических наук, Почетный профессор Тверского государственного университета, заведующий кафедрой. Автор пятнадцати книг. Лауреат литературных премий им. М.Е. Салтыкова-Щедрина и им. Николая Гумилева. Тверь.

«КАК Я ХОЧУ, ЧТОБ СТРОЧКИ ЭТИ ЗАБЫЛИ, ЧТО ОНИ СЛОВА...»

Творчество Владимира Соколова

В 2013 году исполнилось 85 лет со дня рождения выдающегося русского поэта Владимира Николаевича Соколова. Его имя одно из самых общепризнанных и почитаемых в русской поэзии второй половины XX века. О нем с восхищением и признательностью писали совершенно разные по взглядам и стилевым ориентациям поэты и критики: С. Чупринин и В. Кожин, А. Михайлов и В. Деметьев, Н. Рубцов и Е. Евтушенко. В его творчестве находят что-то близкое себе и почвенники и западники, и те, кто ориентирован на фольклорные традиции и выражает ностальгические чувства, связанные с уходящей деревней и те, кто ориентирован на современную городскую культуру.

В. Соколов наш земляк. Родился он и провел детские годы в Лихославле. Чудесны его стихи о милом его сердцу городе, с которым было связано прошлое, к которому он был устремлен в будущем: «У меня в Лихославле поют петухи. / И вздымаются нежные очи коров. / Я вернусь, я приду, я подкину сенца, / Я под осень за хлеб выпью ковш до конца...» И, конечно, нашли отражение в его творчестве мотивы, связанные с природой Верхневолжья. Он воспел Осташков, запечатлев и набережный сад, с его «молочной зеленью», и пристань, пахнущую волной и дождем, и старинную колокольню, нарисовал верховье Волги с Волгой «синей до небес», лилиями и камышами. Прекрасно его стихотворение «Селигер»: «Двух лип вековая обнимка, вчерашнего года трава, да робкая вешняя дымка». Наши края для него «душа России», «начало и исток»: «Стоят над Селигером / И церкви и дома... Там ветер влажно веет / Сквозь зелень над водой. Там dranka золотиться, / Как купол золотой».

Значение его творчества выходит далеко за пределы нашей области и даже России. Справочная статья о Соколове, помещенная в книге «Тверские памятные даты на 2003 год», может в этом смысле ввести в заблуждение, ибо её автор в библиографии творчества поэта указал десяток своих статей, помещенных в местной печати, как будто о нем не писали ведущие специалисты страны, и не было солидных научных исследований. Больше того, сейчас трудно представить вузовский учебник по литературе XX века, где бы ни говорилось о творчестве Соколова. Уже первый сборник стихов «Утро в пути» (1953) привлек внимание читателей особой интимной интонацией и лиризмом. Не случайно в Союз писателей В. Соколова приняли по рекомендации Степана Щипачева.

Особое место в его творчестве заняла тема Болгарии. Можно сказать, что эту солнечную страну он ощущал своей второй родиной. Не случайно в книге «Сюжет» его стихотворение «Лихославль – это город полей...» непосредственно примыкало к стихам «Из софийской тетради». Так уж сложилась его судьба, что в 1955 году он породнился с Болгарией. Он полюбил и женился на болгарке Хенриетте Христовне Поповой. Ему пришлось часто бывать в Болгарии и жить там не по одному месяцу. Он много переводил с болгарского, писал стихи об этой стране. Жизнь его жены в 1961 году трагически оборвалась. Видимо, с этим связаны усилившиеся в его поэзии мотивы утраты, тоски по идеалу, по прошлому. Его стихотворение «Венок» стало хрестоматийным, благодаря своей искренности и пронзительности: «Вот мы с тобой и развенчаны. / Время писать о любви. / Русая девочка, женщина – / Плакали те соловьи».

Отношение к Болгарии В. Соколова глубоко лично и сердечно. В сборнике «На солнечной стороне» (М., 1961) поэт публикует цикл «Стихи из Болгарии» из 9 стихотворений. Позже он его назвал «Любовь к Болгарии», заменив несколько произведений. К этому циклу тесно примыкают стихи «Из софийской тетради».

Творчеству В. Соколова свойствен политематизм. Для него важно выявить в цепи ассоциаций, чем близка ему Болгария, исторические корни единства России и Болгарии, свои связи с южной славянской страной на личностном уровне любви, дружбы, своё очарование природой Балкан, своё восхищение древним славянским и современным искусством, поэзией. Точки зрения из Болгарии на Россию, из России на Болгарию в его стихах меняются и сопрягаются. Мысленно поэт постоянно соединяет пространства России и Болгарии. «Сейчас в Москве, наверно, много снега, А здесь гремит булыжником телега...» («Копривштица»), «Софийский снег идет в Москве... Московский снег идет в Софии». («Январь»), «Здесь очень короткие зимы, Не то что в России у нас. / Поэтому неотразимы / Снега, что со мною сейчас» («Тебе обещал я деревья...») и т.д.

К одному из стихотворений в сборнике «На солнечной стороне» поэт ставит эпиграфом слова, услышанные из уст болгарина: «Страна у нас маленькая, но народ великий» и стремится воспеть величие болгарского народа. При этом акценты, связанные с классовой борьбой, смещались в сторону национальных проблем. В стихотворении «На полминуты замер поезд...», написанном в 1961 году рисуются страдания болгарского народа в XX веке и его мужество в классовой борьбе за свободу. В 70-е годы мы подобных стихов не найдем. Особое место занимает у В. Соколова тема турецкого ига и русско-турецкой освободительной войны. В стихотворении «Дед Иван» доброе отношение болгар к России рисуется как бы на легендарном, сказочном уровне. Образ русского борца за справедливость мифологизируется: «Дед Иван, добрый дед, крепкий дед. / Нет сильней, справедливее нет. / Так Россию мою нарекли / В старых сказках Болгарской земли». Надежда на «дидо Ивана» согревала болгар в годы турецкого ига, когда «полумесяц глядел сквозь туман, как турецкий кривой ятаган». Иван рисуется как огромный сказочный богатырь: «Ох, и сила в могучей руке!» Сказка-мечта осуществилась: «За редутом последний редут. / Весть летела: Иваны идут! / Плевна,

Шипка... Биенье сердец...»¹ Сказка продолжается и в дальнейших исторических связях России и Болгарии. Но В. Соколов противник громкой лозунговой поэзии, и возвышенный пафос произведения он смягчает лёгким юмором, ибо многим из русских дедов не было еще и двадцати лет.

И все-таки в 70-е годы в цикле «Любовь к Болгарии» В. Соколов заменяет это стихотворение другим. Стихотворение «Шипка» посвящено известному болгарскому поэту Георгию Джагарову. Оно диалогично. Болгарский поэт признавался в любви к своей родине и гордился ею. В стихотворении «Болгария» он писал: «Земля моя с ладонь, невелика... / Но все ж в ладони этой в дни лихие / сломалась чаша с ядом Византии, / согнулась сталь турецкого клинка»².

В Соколов, заявляя о любви к южной природе, не может не сказать о тяге к своей Родине: «А шли в душе дожди косые, / И начинался снегопад... / Вдали от пристальной России / Любой березке был я рад». При этом характеристика России здесь, в отличие от стихов начала 60-х годов, далеко не однозначна. «Пристальный» – это не только внимательный, заботливый, чуткий, но и напряженный, настойчивый. Пристальное внимание, по Далю, это надзор. В 70-е годы у Соколова, несомненно, появилось ощущение несвободы. В то же время, как бы отвечая болгарскому поэту, Соколов подчеркивает: «Я жил в Болгарии великой, Я как птенец её парил. Цветы долины Казанлыка / Бургасским девушкам дарил»³. Внимание с войн, которые поэт называет «отъявленными», не принимая их всей душой, переключается на цветы и девушек. Конечно, поэт не может забыть и о жертвах русского народа: «Легли и ново, и старинно за этих девочек и птах» Официально-бравурная интонация заменяется доверительной и даже интимной.

В стихотворении «София», открывающем цикл, подчеркивается главное, что сближает друзей – чувство Родины. В первой части стихотворения встает вопрос о правильном понимании людей, разговаривающих на разных языках. Нашлась болгарская девушка, которая знает русский язык, и кажется лирическому герою, встретившему в Софии родные березки, что никакой он не иностранец. Но любовь к Болгарии проявляется именно в том, что поэт любит близкий его душе болгарский язык:

Стихали в груди удары.
Мне часом казался миг.
Простите меня, болгары.
Я выучу ваш язык.
Он твердый язык и нежный.
В нем близкая нам душа.
На вашей земле зарубежной
Не чувствуешь рубежа.

¹ Соколов В.Н. На солнечной стороне. Стихи. М., 1961. С. 109.

² Болгарская поэзия. М., 1982. С. 401.

³ Соколов В.Н. Избранное: Стихи. Поэмы. М., 1989. С. 321. Далее цитаты на это издание даются без сносок

Поэту София кажется золотой и при свете солнца и при свете луны. И хотя во второй части говорится о московских снах, о каких-то спорах, но поэт как бы примиряет всех человеческой мудростью:

О том, что отечество – это
Не только пространство земли.
Оно и дома и рассветы,
Что трудно оставить вдали.
Оно и родимая крыша,
И помыслы наших годин,
И все, чем живет оно, дышит,
Чем дышишь и ты, его сын.

«Наверное, все мы такие - / Солдаты, певцы и сыны», - делает вывод поэт.

Историческое мышление В. Соколова проникает и в его пейзажную лирику. Так, поэтизируя болгарское жаркое горное лето и речку Тополницу, он в отсветах грозы видит прошлое страдание народа: «И речка, краса Среднегорья, / На миг показалась мне женщиной, / Припомнившей давнее горе. / И чьи-то мне слезы почудились / И в волнах - тела неживые. / И темными ордами сгрудились / Над ней облака грозовые».

В связи с «проблемой дома» в стихах болгарского цикла В. Соколов развивает цыганскую тему. В стихотворении «Цыгане» рисуется живописная картина цыганского табора на берегу речонки Тополнице. Карты, гаданье, предсказанье судьбы – это экзотика цыганской жизни. Два мира, кочевой и оседлый, настолько отчуждены друг от друга, что болгары пугают цыганами детей. Но это одна точка зрения. Поэт находит и другую, перекидывая мостик понимания между разными народами. А сближает их трудовая, нелёгкая для всех жизнь, природа, и красота:

Кто шатры убирал.
Кто сидел над тазами,
Молотком громыхал,
Да паял, да лудил их.
Дети голые шумно
На деревья влезали,
Мух цветами сгоняли
С грустных морд лошадиных.

И все-таки у лирического героя невольно возникают вопросы: «Что их по миру гонит, / Где их родина в мире, / Как живут они, / Крова родного не зная?» «Всюду их дом», или они когда-нибудь кончат кочевать? Поэта волнует вопрос, как соединить любовь к просторам земли и любовь к собственному дому. К этой проблеме поэт возвращается в стихотворении «Самолет, воспоминание» («Из софийской тетради»). Цыганский хор летит из России на гастроли в Софию, но поет известный романс «Я ехала домой...», и это вызывает сложные ассоциации у лирического героя, связанные с собственным домом. Он мысленно обращается к Болгарии: «Как много лет прошло в родстве без окоема. / А я все вспоминал, что все лечу домой, / Что все лечу домой. / Из дома в дом. Из дома».

В. Соколов не был бы выдающимся русским поэтом, впитавшим в себя все достижения поэзии золотого и серебряного века, если бы ограничил свое восприятие Болгарии периодом освободительной войны и современностью. Подобно М. Волошину, который в горных пейзажах Крыма улавливал отголоски древности, Соколов стремится передать свое ощущение древности болгарской земли и балканской цивилизации. Особенно ярко это передается в стихотворении «Камень» («Владения камня»), где рисуются Балканские горы как место неизменной борьбы, «бесплодной тяжбы гранита» с корнями деревьев. Произведение вырастает до философского постижения бытия. Камень – это не только косность или консервативное начало жизни, а чуждое ему воинство сосен – это не только символ развития, движения, прогресса. В камне верность традиции, основа древней культуры, а движение жизни, сама живая природа несет в себе и разрушение. Именно поэтому автору «открывается древняя область печали»:

Обломок вершины,
Развалины выступов горных
Лежат как руины
Акрополей, некогда гордых.
Цветами обвиты
Кладбищенские перекрестки –
Надгробные плиты
И мемориальные доски.

Отношение у поэта к историческому бытию Болгарии не однозначно. Разрушение гор подобно разрушению памяти, в том числе, памяти о героических сражениях за освобождение Болгарии. Вводя объединяющее поэта с русским народом местоимение «мы», поэт заостряет на внимание на том, что и русские воины пытались увековечить свои подвиги: «Как мы тесаками, / Обвалы и ливни когда-то / На них высекали / Свои поминанья и даты». Но все надписи могут быть стерты, если уж и камень не вечен. И тут же автор вновь переводит разговор от русско-турецкой войны в обобщающий исторический план: «Здесь копыта скрестили / Часы синевы и ненастий / Над гибелью стилей, Над прахом великих династий». Время преходяще, и только орел черной точкой «парит отвлеченно» над горами «ни в прахе, ни в страхе», потому что не участвует в титанической борьбе, которая идет на земле. Заканчивается произведение лирическим эпилогом, в котором автор выражает свое отношение к этой драматической борьбе жизни, устремленной к новому, и памяти о прошлом. Его мечта сложить из камней «преткновенья», составляющих основу жизни, прекрасное здание, «чтоб вечнозеленое древо с камнями дружило». Но, подобно орлу, глядя на мир с высоты «двух тысяч метров над уровнем моря и века», поэт вынужден констатировать, что «нет человеку спасения от человека». Проблемы мироздания, таким образом, сопрягаются с социальным планом.

Читателями и критикой В. Соколов воспринимался в одном ряду с Н. Рубцовым, А. Прасоловым, Б. Примеровым, А. Передревым, А. Жигулиным, В. Казанцевым, О. Фокиной, Н. Тряпкиным и другими так называемыми «тихими лириками», сказавшими свое проникновенное слово о красоте «звезды

полей», бросившими горький упрек в адрес браконьеров родной природы и национальной культуры. Видимо, это происходит оттого, что эстетические ориентиры «деревенской» поэзии и творчества В. Соколова близки. Они очарованы русской поэтической классикой, красотой национального искусства с их высочайшей духовностью и стремлением к «всечеловечности».

Но, по сути, Соколов – поэт городской. Не случайно один из своих сборников поэт назвал «Городские стихи». Большое влияние на него оказали урбанистические стихи А. Блока. Это проявилось и в стихах, посвященных Болгарии. И не только в произведениях, связанных с Софией и другими конкретными городами. В стихотворении «Мириадами глаз глядели...» он как бы вступает в диалог с маленьким болгарским городком. Все детали городского интерьера кажутся поэту одушевленными, и ему хочется своим словом раздвинуть дверь былого: «Мне казалось – я должен что-то / Непременно сказать ему, / Городку, всем его воротам, / Стенам, прячущимся во тьму». Но темный ночной город своими памятниками сам обращается к поэту, открываясь ему навстречу светлой памятью. Поэту открылась не одна дверь, как он хотел, а «шло преданье, громыхая всеми дверьми», «шло и в счастье своем, и в гнев».

В стихах «Из софийской тетради», написанных в 1975 году, усиливается трагический пафос, связанный с личной утратой. Появляются мотивы одиночества, несбывшихся надежд, утраченного счастья. «И вот я в Болгарии ныне один... – с грустью признается поэт в стихотворении «Тебе обещал я деревья...»: «Один в серебристую темень, / Слегка от дороги устав, / Брожу под деревьями теми, / На похороны опоздав». И хлопья снега на могиле кажутся белыми гвоздиками, а выполнить данные обещания можно только в ином мире. В стихотворении «Балканский сырой ветерок...» предутренняя синь и прозрачный февральский туман воспринимаются лирическим героем как знак особой вести: «И снег, и зеленая высь, / И белый цветок на столе, / И солнечный зайчик, как мысль / О том, что ты есть на земле». И вновь поэт возвращается мысленно в стихотворении «Так ничего я и не написал...» к теме последнего прощания с любимой. Он представляет себя «кустом поникшим» и «подкатывает к сердцу лишь одно далекое страданье...» Его душу мучает сознание, что самые сокровенные стихи в Болгарии им не были написаны. И если раньше он как бы улавливал строки болгарских поэтов, то теперь надеется на то, что кто-нибудь ощутит его стихи «за строчкой строчку»: «И – от меня в далеком далеке – / Заговорят несмело. / Пусть не на русском даже языке, Не в этом дело».

С первых шагов в литературе поэтом декларировалась устремленность к реалистическому воплощению окружающего мира: «Как я хочу, чтоб строчки эти / Забыли, что они слова, / А стали: небо, крыши, ветер, / Сырых бульваров дерева!». В то же время критика отмечала его «версификационное изобретательство», «многослойность метафоры». Через пейзаж и тему любви В. Соколову удается выйти к тонкому и глубокому воплощению темы Родины. Он городской поэт, но именно у него родился образ «звезды полей», который подхватил и развил Н. Рубцов. Именно В. Соколов подчеркнул смертную, судьбоносную связь русского человека с ширью полей, независимо от того, где бы он ни жил: «Звезда полей, звез-

да! Как искорка на сини! / Она зайдет? Тогда зайти звезде моей!». В стихотворении «Хотел бы я долгие годы...» поэт подчеркивает, что на милой его сердцу родине он стремится «любить её светлые воды / И темные воды любить», то есть в метафорической форме он подчеркивает свою готовность быть с родиной и в минуты её радости, успеха, подъёма и в трудные годы, может быть, кровавые, в годы испытаний. Больше того, он стремится дать целостное представление о России, объединив в едином образе её природу и индустрию, её прошлое и настоящее:

И степи, и всходы посева,
И лес, и наплывы в крови
Её соловьиного гнева,
Её журавлиной любви.
Но, видно, во мне и железо
Сидит, как осколок в коре,
Коль, детище нежного леса,
Я льну и к Магнитной горе.

Пейзаж у В. Соколова глубоко психологичен, подчинен настроению лирического героя. Поэт стремится не просто нарисовать очередную картину, а передать тонкие, подчас неясные ощущения и чувства. Вот как, например, поэтично рисуется снегопад в Софии в стихотворении «Январь»: «Как будто лебеди большие / Вершат свой вечный перелет. / И отдыхают. И взлетают. / И перья белые роняют... / Сугробы белые спадают. / Сугробы белые взлетают». Но это описание по ассоциации с понятием чистоты связывается поэтом с чувством искренней дружбы: «Как лебеди, как журавли, / Взлетят в искрящейся пыли, / Крылами белыми шурша, / Как дружбы чистая душа».

Внимание к внутреннему миру человека, находит воплощение не только в пейзажной и любовной лирике, но и в стихах об искусстве, о поэзии. Поэт утверждает идеал нравственной чистоты, искренности, гармонии с окружающим миром, стремится к естественности. Он широко использует опыт русской классики от А. Пушкина и М. Лермонтова, А. Фета, и Н. Некрасова, до С. Есенина и Н. Заболоцкого, но особенно А. Блока. Стихотворение «Копривштица» имеет два варианта. В сборнике «На солнечной стороне» – это песня о маленьком городке – яростном враге грозной Османской империи, о его жителях – людях «непокорных, рослых, гнущих запросто медь».

Смерть иль свобода! И резкое
Слово призыва, как меч.
Это – восстанье апрельское,
Словно бы огненный смерч,
Словно бы кратер, открывшийся
Злу и насилью на страх!
Вот что такое Копривштица,
Маленький город в горах.¹

¹ Соколов В.Н. На солнечной стороне. Стихи. М., 1961. С. 107.

В 70-е годы появляется стихотворение с тем же названием, посвященное памяти великого болгарского поэта конца XIX – начала XX веков Димчо Дебелянова, который в Копривштице родился и похоронен:

Я выполнил завет – прийти к поэту,
Которого давно искал по свету
И наконец-то все-таки нашел.
Я так хочу быть на него похожим
На языке и схожем, и не схожем...
Его удел был легок и тяжел.

В первом стихотворении затрагивается проблема народного ремесла, народного искусства, когда национальная резьба над ставнями становится формой духовного сопротивления поработившему страну врагу. Во втором - поднимается одна из основных проблем искусства о способах и адекватности выражения художником своих впечатлений и внутреннего состояния: «Мне хорошо, но все-таки обидно, / Что не могу я сразу рассказать / О том, что вижу, и о том, что снится». Для индивидуального стиля В. Соколова вообще характерно, что ассоциации, связанные с искусством, поэзией, живописью, музыкой, проникают в образную систему поэта:

Копривштица выходит из тумана,
Как будто из старинного романа
Гравюра знаменитого письма,
Чернея на легчайшем белом фоне...
А воробей, присевший на балконе,
Все облетевший ветви и дома,
Как жизнь сама – пиши иль не пиши, -
Чирикает, как хочет, от души.

И если в начале произведения звучит мотив туманности, склонности к путанице, отрешенности и самообмана, то завершается оно утверждением главной ценности искусства: искренности, чтобы было «от души».

Примеры проникновения образов, связанных с искусством в стихах о Болгарии можно множить. Вот, например, пейзажная зарисовка в стихотворении «Тебе обещал я деревья...»: «Деревья стоят как скульптуры / В огромной живой мастерской, / Где лепят натуру с натуры, / А радость мешают с тоской». Поэт размышляет о беспредельных возможностях искусства, загадочности чувства любви, извечных тайнах мироздания.

В. Соколов во многом предвосхитил тенденцию обращения русской поэзии к традициям православной духовности, возрождение которой проявилось только в 90-е годы. Следует подчеркнуть, что уже в 60-70-е годы для поэта было характерно сопряжение тем любви, природы и веры. Образ церкви, храма, как носителя духовности, уже в то время стал одним из сквозных образов его поэзии. Во многом это символ верности заветам предков. Так, он писал в стихотворении «Старые церкви» о временах притеснения православия в Болгарии, имея в виду, несомненно, и современную Россию:

А церкви нет-нет и рождались.

Но, чтоб сохранить высоту,
Они в глубину зарывались,
В земную, в родимую ту.
Церквушки невидные эти,
Две трети тая под землей,
Казались пониже мечетей,
А были повыше иной.¹

Характерно, что в 70-е годы В. Соколов заново редактирует это произведение, выбрасывая строки, написанные в угоду конъюнктуре 50-х годов: «Как память о днях невозможных / Они доживают свой век. / Я им поклонился, безбожник, / Неверующий человек». А слова «Да бог с ним, с Христом. В нем ли дело?» заменяет строкой «В тиши векового предела». Он пишет о духовности болгарского народа единой с народом русским, о православной вере, которая помогла победить врага-иноверца:

В тиши векового предела
Я думал о святости ран,
О душах, что выбить из тела
Не смог никакой ятаган.
В церквушках-то вовсе не глухо
Сказались характеры те.
Я думал о стойкости духа,
О верности

и высоте.

В сборнике «Городские стихи» поэт утверждает: «Не умерли, не умерли / Одной любви благодаря / Те сумерки, те сумерки / Андроникова монастыря» и передает ощущение мира как Божьего дара, чуда. Он подчеркивает зависимость своей судьбы от высших сил: «Кто звезды попутал, кто карты смешал? Кто боженке в ухо чего надышал?.. Уж так ли высоко на свете я жил, Что бог мне на душу тебя положил?..» В его творчестве появляется жанр молитвы («Упаси меня от серебра...») Он выступает против фальши, гордыни, погони за славой, против притворства и ханжества. Вслед за Я. Смеляковым поэт утверждает интерес к рядовому, обычному человеку, которого революционные романтики заклеили как обывателя и мещанина:

Мне интересен человек,
Не понимающий стихов,
Не понимающий, что снег
Дороже замши и мехов...
Да и пишу я, может быть,
Затем лишь, бог меня прости, –
Чтоб эту стенку прошибить,
Чтоб эту душу потрясти.

¹ Соколов В.Н. На солнечной стороне. Стихи. М., 1961. С. 113.

Поэт все чаще размышляет о беспредельных возможностях искусства, загадочности чувства любви, извечных тайнах мироздания. У него «Из глубины, из бесконечной / Сердечной, тайной глубины / Глаза задумчивости вечной / На Млечный Путь устремлены». Он против разрушения старины, для него прошлое национальной культуры основа для её дальнейшего развития: «Гляжу все чаще я / Среди шума будничного / На уходящее / С чертами будущего» Поэт развивает ахматовский мотив самоценности стиха, гармонии и красоты, независимо от того, какие бы «пустяки» их не породили: «Хочу писать стихи о том, / Что слышно в воздухе пустом, / О журавлях, о мотыльке, / Что с вечностью накоротке». Он стремится писать естественно, чтобы каждое его стихотворение «как душа отлетало от губ».

В то же время многие его стихи остро конфликтны, в них четко проявляется нравственная позиция героя. Поэтому с упреками критиков, что он заплатил высокую цену за гармоническую ясность, «сузив эмоциональный спектр самого лирического переживания», согласиться нельзя.

Ощущение опасности, нависшей над страной, её народом русской культурой в годы застоя передали в своих стихах такие разные поэты как Н. Рубцов, Ю. Кузнецов, В. Высоцкий. Было предощущение беды и у Соколова. Так, в поэме «Александровский сад» (1984) он прямо передал нарастающее чувство тревоги, не уклоняясь от постановки самых сложных социально-нравственных проблем нашего времени. Трагизм в поэме В. Соколова не исчерпывается интимными переживаниями, но связан и с лирическим восприятием крутых поворотов истории. «Чей свет померк, зари или заката? Куда исчезли все поводыри? - Все указатели?», – передает он ощущение слома эпохи. Трагедия Великой Отечественной войны – сквозной мотив его творчества. Он увековечивает память о неизмеримых страданиях русского народа. Возникает образ матери неизвестного солдата из черного мрамора. Но обращенные к ней от имени павшего сына слова: «Я плотью был, но стал я прахом, / я прахом был, но стал огнем. / Я на тебя гляжу со страхом. / Ты каменеешь с каждым днем», – имеют особое значение. Мать неизвестного солдата – Родина, и поэт явно ощущает, что она застывает, лишается подлинной жизни, души. Этот образ не менее глубоко передает нависшую над Россией угрозу, чем знаменитые строки Н. Рубцова: «Россия, Русь, храни себя, храни...»

Поэма В. Соколова «Александровский сад» – это синтез жанровых традиций. Александровский сад, откуда сорок с лишним лет назад поднимались в небо заградительные аэростаты, где покоится прах неизвестного солдата и вечно пылает огонь на его могиле, где возвышаются стены древнего Кремля и по вечерам встречаются влюблённые, является подлинным открытием образа символа во всей глубине его многозначности.

В. Соколов не торопится заявлять о проблемах истории, они войдут в поэму незаметно, через личное, биографическое, через лирический пейзаж и интимные чувства: «Александровский сад в сорок... в прошлом году / то в снегу, то в цвету, то в листве, то во льду!» Эти строки задают тон всей поэме. Ведь это не только о судьбе лирического героя, но и об исторической участи

страны, ибо значимо само место действия. И страна была то в цвету, то во льду.

Все тревоги и беды мира поэт воспринимает как свои собственные: «Все время чувствую вину, как будто я разжег войну, а не она меня палила», – признается автор, и вспоминается стихотворение А. Твардовского: «Я знаю, никакой моей вины / В том, что другие не пришли с войны... / Речь не о том, но все же, все же, все же...» Характерно это типологическое сходство. Поэтов сближает чувство совестливости, умение мучиться чужими болями, чувствовать личную ответственность за каждую слезу, пролитую ребенком на земле. И это не столько традиция Аввакума, Достоевского или Некрасова, сколько общее свойство русского национального характера.

Владимир Соколов, прежде всего, лирик. Но он создал немало и лиро-эпических произведений. В жанровых традициях стихотворного эпоса В. Соколова явно ощутимо все то же благородное пушкинское и возвышенно трагическое блоковское начало. Это проявляется, прежде всего, в поисках и утверждении гармонии в мире, вере в чудесное облагораживающее воздействие искусства, универсальном и всеобъемлющем характере художественного образа. По словам А. Михайлова, «отголоски былых драм подчеркивают, оттеняют душевную мягкость и деликатность поэта, теплоту и человечность его Музы, высокую нравственность, чистоту и благородство его лирического героя»¹. Однако следует признать, что отношение к лиро-эпосу В. Соколова в нашей критике было далеко не однозначным. Так, А.Н. Архангельский в статье «В поисках утраченного жанра»² писал, что «Александровский сад» В. Соколова – это «отрывок, возведенный в степень поэмы», «проза в стихах», а, анализируя поэму В. Соколова «Сюжет», где выражен душевный разлад лирического героя, его раздвоенность, вызванная, прежде всего, общественным неблагополучием, он вопрошал: «Мыслимо ли было такой сюжет реализовать в рамках поэмы сколь угодно деканонизированной, но все же уходящей своими корнями в почву традиции?» – и решительно отвечал: «Нет». Фактически он не только отрицал возможности жанра поэмы: «Похоже, что под этим «изводом» жанра окончательно подведена черта», но и ставил под сомнение возможность создания художественных ценностей на основе национальных традиций. Отрицала право на существование лирического эпоса и Н. Мазепа, хотя вынуждена была признать, что В. Соколов: «пришел к эпичности в новом её качестве, в формах свободной лирико-ассоциативной поэмы»³.

Ориентация на высокую пушкинскую традицию поддерживается у В. Соколова симпатией к стилю «ретро» с характерными элементами архаики, поэтизмами, старославянизмами: «родимый хлад», «купол ворот», «снег пленил меня игрой», «хочу быть к таинству приближен» и т. д. Его поэма «Смена дней» напоминает развернутое лирическое отступление из «Евгения Онегина»

¹ Михайлов Ал. Поэты и поэзия. М., 1978. С. 180.

² Архангельский А.Н. В поисках утраченного жанра: Заметки о поэме 70-х - начала 80-х годов // Вопросы лит. 1987. № 10. С. 93-98.

³ Мазепа Н.Р. Развитие современной советской поэмы. Киев, 1987. С. 226.

со свободной раздумчивой интонацией, тонкими наблюдениями над ширью природы, пронзительной исповедальностью, а главное, поистине пушкинским слиянием с миром. И это характерно для всего творчества В. Соколова. Весь мир в душе поэта, а поэт растворен во всем мире: «И словно б не было меня, / И вместе с тем все было мною, И пульс под коркой ледяною, И влага стен, и щебетня», «Там перроны летят, трубя, / Там деревья стоят в росе. / Неужели все это я?». В поэме «Сюжет» автор признается в непомерной тяжести нести такое всеобъемлющее поэтическое сознание: «Я устаю – / и снегом, и жарой, / и переулком быть, / и человеком, / листком зеленым на коре, / корой, / неровным часом / и огромным веком».

Но всеобъемлющее пушкинское начало удивительным образом сочетается у Соколова с романтической изобразительностью А. Блока. В поэме «Александровский сад» можно встретить тонкую стилизацию «Незнакомки». И юная зенитчица и весь чудесный мир Александровского сада воспринимаются поэтом сквозь призму блоковских стихов. Ему свойственна позиция противостояния всему низкому, корыстному и эгоистичному. «Я не приду. Жируйте в норке, / Молитесь прибыли вещей!.. / А так ведь все как будто в норме, / Так, с виду, все как у людей...» – заявляет он в поэме «Чужое письмо». Его особенно возмущает расплывчатая позиция в жизни, «какая-то неясность цели».

Поэт может «разделить одно мгновение на два» и свободно перемещаться из лета в зиму, из одного года в другой, из одной эпохи в другую: «дверь отворил в соседнюю минуту, существующую как параллель обыденному». Время может быть замороженным и оттаивать, так что капают секунды. Но В. Соколов не только свободно обращается со временем, но и решительно трансформирует пространство, ощущая себя подлинным творцом не только стихов, но и самой жизни. «Нет времени – я должен снять пространство. Я исключаю из пейзажа транспорт...» Подобная свобода обращения со временем и пространством напоминает «Про это» В. Маяковского и «Середину века» В. Луговского.

Следует подчеркнуть, что преемственность помогает поэту создать свой неповторимый поэтический мир. Фольклор, достижения мировой литературы, национальная классика – это воздух, в котором парит птица его собственной поэзии. Поэт сплетает многие пряди национально поэтических традиций, но тему искусства он решает по-пушкински глобально. Какая разница – художник приукрашивает физиономии вельмож, как в гоголевском «Портрете», или, «запасаясь лачком», рисует портреты передовиков в советское время? Подлинная живопись, с точки зрения автора, – «явление Христа», «божественная дивная мазня», которая «рождает тело красоты бессмертной». Впрочем, сдвигая время, вводя его вариативность, поэт показывает, как не просто решается в душах людей старый, как мир, спор о предназначении искусства.

В. Соколов тончайше использует художественный опыт современного читателя. Гоголевское начало воспринимается им через призму творчества М. Булгакова. Характерно, что встреча поэта с художником происходит вблизи

Патриарших прудов. Стоит жара, так что мир теряет черты реальности, да и дьявол где-то близко: «паленым пахнет». Не может поэт пройти мимо опыта А. Ахматовой и её понимания истинного искусства. В духе её незабываемого кредо «когда б вы знали, из какого сора...» неизмеримыми ценностями для поэта оказываются «оборванная фраза, скрип колеса, стук часов, невзгода, пауза...» А, развивая мотивы борьбы за любовь Марии, раздвоения лирического героя, высокого нравственного суда над собой и возлюбленной, неприятия бездуховного мира вещей, мог ли В. Соколов не держать в памяти поэмы В. Маяковского «Облако в штанах» и «Про это».

В поэмах В. Соколова традиционное реалистическое начало проявляется в том, что он утверждает «открытость» человека, его естественность, подлинность. В то же время, безжалостно развенчивая лица – «маски», поэт обращается к символике романтического искусства начала XX века. В поэме «Чужое письмо» противопоставляется «малыш из Госпроекта, который «шагает, смеясь лицом открытым», тем, кто «все одну решает думу: какое бы лицо надеть, чтоб и к месту, и к костюму». Искусство свято для поэта, и он отвергает любые попытки превратить Музу в официантку, обслуживающую клиентов согласно их пожеланиям. «А ты красива. / И во всем права», – вот его аргумент. Многие образы в поэме «Сюжет»: дом, стена, лето и зима, жара и холод – символизируют не только нравственные понятия, но имеют и определенный социальный смысл. При этом, если в ранних поэмах в стремлении объединить две линии русской поэзии он искал идеал и в прошлом и в будущем, заявляя в поэме «Шадринск», что золотой век «был перед войной, а еще боле он был страной родной в грядущей доле», то позже цельность мировосприятия связана у него с порой детства, с воспоминаниями о войне. В зрелые годы её достигнуть нелегко, надо пройти через мучительное раздвоение, через сомнения и утраты.

Вообще следует подчеркнуть, что в ряде произведений В. Соколова («Гудки паровозов», «Шадринск», «Смена дней», частично «Чужое письмо») мир предстает в восприятии ребенка, который смотрит на все окружающее, «как будто в первый раз». Здесь так же сказался опыт русской литературы, восходящей к библейской заповеди «Будьте как дети». А так как для поэм Соколова свойствен автобиографизм, то следует особо подчеркнуть влияние впечатлений его детства, проведенного в Лихославле.

«Главным объектом внимания поэта на протяжении многих лет остается внутренняя жизнь человека», – подчеркивает А. Михайлов¹. Использование приемов романтического искусства в сочетании с глубоким психологизмом показывают всю сложность и синкретизм самой природы таланта В. Соколова.

В то же время некоторые критики излишне акцентировали внимание на стремлении В. Соколова уйти в свой, «светлый мир гармонии от неприятных и надоевших сложностей большого мира», создать «придуманный мир», достигнуть «примиряющего успокоения» и «гармонической ясности», находят у

¹ Михайлов Ал. Поэты и поэзия. М., 1978. С.179.

него недоверие к жизни «материальной, внешней»¹. Подобные суждения явно подвергает сомнению сам автор: «Можно жить и в придуманном мире, мне сказали, но правда ли это?» Историзм, социальную широту взглядов, принципиальную современность В. Соколова справедливо подчеркивал В. Кожинов. При этом следует отметить влияние Б. Пастернака на ассоциативно-метафорическую структуру поэм В. Соколова. А.И. Чагин, например, справедливо подчеркивал, что метафора «по своей природе есть преодоление некоей разъединенности, и именно таким виртуозным преодолением разъединенности души и мира была, в сущности, вся лирика Б. Пастернака»².

Уже в ранней автобиографической поэме В. Соколова «Гудки паровозов» мы встречаемся с особым «объективированным лиризмом, вниманием к конкретным событиям, фактам биографии, что приводит к повествовательности. Обращаясь к истокам нравственного формирования юного героя, автор показывает, что именно война впервые пробудила в его душе чувство долга перед Родиной. Война становится для него школой мужества. В поэме «Шадринск» события разворачиваются на Урале во время эвакуации. Здесь эпическое повествование сопровождает особый лирический сюжет авторских отступлений, размышлений человека нашего времени на основе воспоминаний. Детские мечты о золотом веке помогают лирическому герою сохранить нравственный идеал в душе. На материале этой поэмы не трудно показать, как реалии внешнего мира переводятся поэтом в условно символический план, который позволяет делать соответствующие обобщения. Так, входят в поэму В. Соколова сквозные образы тепла и холода («Холодным языком писать о теплом»).

В. Соколов поэт традиционный, но следует подчеркнуть, что воскрешение тех или иных идейно-художественных традиций в творчестве поэта не случайно, оно зависит от требований эпохи. «Традиция оживает в литературе лишь тогда, когда продолжатель находит её подоснову, её глубинную почву самой той жизни, которую он художественно осваивает», – справедливо подчеркивал В. Кожинов. В этом смысле, обращение В. Соколова к вершинам русской поэтической классики обусловлено тем, что у них проявлялось огромное чувство тревоги за судьбы мира и человечества.

¹ Аннинский Л.А. Мера сил // Наш современник. 1980. № 5. С. 45.

² Чагин А.И. Масштабность лирического героя // Социалистический образ жизни и развитие советской литературы. М., 1983. С.225.